

КНИЖНОЕ СОЗНАНИЕ
г. Москва

13 СЕН 1985

ЭТО имя не нуждается в комментариях. Вот уже много лет олицетворяет оно для нас высокий уровень мастерства, современного советского актера, воспитывающего у зрителей любовь и уважение к Театру — его истории и сегодняшнему дню. Во всех выступлениях Ростислава Плятта — на сцене, в кино, по телевидению — перед зрителем предстает высокоорганизованный художник, прекрасно владеющий материалом, — будь то стихи, проза или театральные мемуары...

...Мы встретились у него дома — в тихом уютном допотопной старой Москвы, недалеко от Никитских ворот, там, где встречаются Малая и Большая Бронные... Отсюда, если позволяет время, он любит шагать пешком в Театр имени Моссовета, на сцене которого играет свыше сорока лет.

— Ростислав Янович, вашу квартиру украшают не только картины, но и прекрасные книжные издания... Скажите, когда впервые вошла в вашу жизнь книга?

— Читать я выучился очень рано. Причем читал быстро, не по складам. Правда, совместных чтений в семье у нас не было, потому что не было и семейной жизни: отец мой — Ян Иосифович Плятт служил юристом-консультантом в Ростове. А с мамой — Зинаидой Ивановой, которая не работала и, по теперешним представлениям, была домашней хозяйкой, мы жили в Кисловодске, в значительном от него отдалении, так что отец бывал в семье лишь наездами...

Первой книжкой моей стали... «Три мушкетера»! А было мне от роду всего пять лет. Я ничего в ней, разумеется, не понял, но долго еще на всех бумагах рисовал мушкетеров...

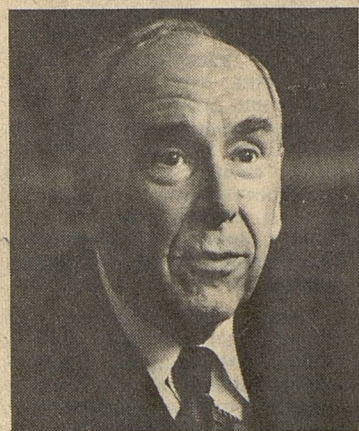
Когда мне исполнилось лет десять — двенадцать, то постепенно и незаметно для себя обрел любовь к Чехову. С тех пор по сей день на вопрос о любимом писателе неизменно привожу его имя. Ну а с годами стал жадно искать и тут же всю возможную литературу о нем — монографии, статьи в периодике — все, что так или иначе проливало дополнительный свет на историю создания произведений, раскрывало во всем богатстве образ великого художника. Кто сейчас помнит, например, незатейливую брошюру С. Чубенко «Антон Павлович Чехов, как больной и как врач-общественник», изданную в Харькове в издательстве «Научная мысль» в 1926 году? Или такое же редкое, еще дореволюционное издание, как книгу И. Гладкого «Смысл жизни в творчестве Чехова», кстати, изданную в том же Харькове в 1915 году?.. «Раскапывал» их в библиотеках, находил в букинистических магазинах... Как все первые биографические исследования о жизни и творчестве исторических лиц, работы тех лет о Чехове были не всегда совершенны, но

это только усиливало мой к нему интерес...

— В своих выступлениях по телевидению вы часто вспоминаете не только актеров, режиссеров, деятелей сцены, с которыми приходилось общаться, но и приводите любопытные эпизоды из жизни, сыгравшие для вас как художника определенную роль. Какую нагрузку в этом смысле несет воспитание книгами, полученное вами в школе?

— Школа укрепила и развила мою любовь к книгам. Может быть, потому, что литература преподавалась не формально, она стала для меня продолжением домашних моих увлечений.

...Я вижу, как входит в класс наш старый преподаватель Федор Федорович Бе-

режков, как будто это происходит сегодня, а не в начале двадцатых годов... На голове у него котелок — его он донашивал еще с царской поры. Он ввел в нашу жизнь Андрея Белого, которого в эти годы никто уже и не помнил. Как —

— Расплеск
Ветров —
В зов
Лета
Тае
Облаком перловым —
— В бирюзовом —
Небе... —

скандировали мы стихи и такую же странную ритмическую прозу. Давал он нам вне программы и Достоевского, которого еще лет пятьдесят не будут преподавать в школе. А чего стоят одни его темы сочинений! Такие, как «Анна Каренина: коллизии чувств матери-любви». Или подлинное исследование, которое мы должны были провести по теме «Анатомия отношений Раскольникова и Сони»...

Не знаю уж почему, но только Достоевский не стал для меня таким же близким и дорогим мне писателем, как Чехов (сценические образы пьес которого я создавал трижды: Дорна в «Чайке», Жоржа Войницкого в «Лешем»; играл в инсценированном рассказе «Тапер»). Мало! Хотелось сыграть, на разных этапах жизни, — Гаева, Тузенбаха, Шабельского...

— А, кроме Чехова, какие у вас литературные пристрастия?

— Если иметь в виду прозу, пристрастий, равных этому, не имею. Читайте «Новый мир», «Иностранную литера-

туру», выуживаю из них новинки, но никому не отдаю предпочтений.

Лучшим поэтом считаю Пушкина, и так же «ныряю» в него, как в Чехова... Других страстных увлечений поэтами нет. Хотя среди тех, кого читаю, — Мандельштам и Пастернак, Ахматова и Цветаева... И обязательно — Блок! Они были еще в той, памятной для меня библиотеке детства...

— Ростислав Янович, а сейчас какая у вас библиотека? Что используете из нее, и как долго вы ее собирали?

— Библиотека моя достаточно богата. Чехов и Лев Толстой, Горький, Шолохов, Лавренев и многие другие русские и советские писатели представлены в ней полными собраниями сочинений.

Т Я Г А К ПОЗНАНИЮ

Беседа с народным артистом СССР,
лауреатом Государственной премии СССР
Ростиславом Яновичем ПЛЯТТОМ

Но я — не такой книжник, как, скажем, Смирнов-Сокольский, и увлекаюсь чтением, а не собиранием книг. Поэтому уникальных изданий у меня не найдете. По мне, так достаточно того, что книги всегда у меня под рукой. Если мне надо читать по радио, например рассказ Мопассана, я попросту беру с полки книгу и готовлюсь...

— Ну, это если рассказ... А вот когда вы получаете роль, достаточно ли вам бывает текста пьесы? Или возникает желание «порыться» в книгах: быть может, лучше понять и обогатить образ?

— Да что говорить!.. Сейчас вот получил роль в последней пьесе Алексея Арбузова. (Пушай простит меня читатель: ее я пока не назыву). Она — о моральной стойкости советского человека. Действие происходит в наши дни. И я в ней играю ветерана войны, фамилия его Христолюбов и лет ему около... девяносто. Но я ведь не фронтовик, в сражениях не участвовал... Как быть?

Я вспоминаю в этой связи, как очень давно — как раз в военные годы, сыграл еще молодую роль Васина в «Русских людях». Константин Михайлович Симонов прямо с фронта приезжал к нам на репетиции, казалось, приносил с собой дыхание боевых позиций... (А фронт стоял в это время под Москвой!). Поначалу я был далек от постижения образа: мой Васин — бывший царский офицер. Чтобы перевоплотиться, найти нужный тон, читал «Воспоминания» генерала Брусилова, в прошлом царского военачальника, который после установления Советской власти перешел на службу в

РККА. Он даже внешне не был похож на Васина. Но тон был найден, образ — понят. Теперь уж Брусилов, история его жизни питали моего героя...

Так и сейчас — с арбузовской пьесой: когда бы ни получил какую угодно роль — шарширь в смежной литературе. В смежном изобразительном искусстве... В мае даже приходил на многие встречи ветеранов, бродил у Большого театра в поисках «своего» солдата. Да вот еще алчно читал появлявшиеся на страницах печати интервью старых ветеранов — все это было для меня поживой...

Одних я знал. Например, Николая Мордвинова. Или недавно ушедшую от нас Фаину Раневскую. Воспоминания о них читаются с удвоенным интересом, если даже пока это просто статьи и не составляют еще книги воспоминаний; с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко я не был знаком, — и тем алчнее читал все, что о нем вышло мемуарно-го...

Разве эта любовь к книге, эта тяга к познанию не движет вперед мастерство актера? Не формирует его характер?..

«В 1960 году М. Шагинян опубликовала в «Огоньке» статью, где писала о близости умирания профессионального театра и вытеснения его самодельностью. Вскоре «Огонек» опубликовал статью Н. Черкасова, полемизировавшего с М. Шагинян. Плятт прочел обе статьи. И тут же написал большое открытое письмо-статью о состоянии, перспективах и задачах современного театра».

— Кстати, о Константине Симонове, с которым вы были близки. Приходилось ли вам видеть его в работе?

— Он был для меня в советской драматургии — самый близкий автор и человек. Лучшая проза о минувшей войне написана, на мой взгляд, Симоновым. Мы были дружны на протяжении четырех десятилетий, часто встречались, обсуждали новые пьесы, говорили о вещах самых разных... Но я никогда не видел его в работе: этот процесс был для него интимен.

Да, он присутствовал в моей жизни не только как поэт, не только как драматург. И я постоянно «переползал» с личных отношений на творчество и с творчества на личные отношения...

Ростислав Янович подходит к книжному шкафу, бережно снимает с полки несколько совсем тоненьких, пожелтевших от времени книжек.

— Это Симонов: «Фронтные стихи». Они выпущены издательством «Правда» в годы Отечественной войны.

Осторожно беру в руки одну из них. На обложке значится: «Библиотека красноармейца. Из фронтовой жизни». Книжка датирована 1942 годом. Тут же — книжки с таким же названием за 1943 и 1945 годы...

— Ростислав Янович, перед глазами — ваши выступления в «Театральных встречах» по телевидению, где речь нередко идет о мемуарах: как письменных, так и устных, которые (часто — впервые!) обнаруживаются тут же, с экрана... Каково ваше отношение к книжным театральным мемуарам? О ком вы любите их читать и как это помогает в вашей работе?

— Мемуарная литература, кстати не только по искусству, — это тоже мое любимое чтение. У меня есть буквально все, что вышло в серии «Театральных мемуаров» со времени ее основания.

Одних я знал. Например, Николая Мордвинова. Или недавно ушедшую от нас Фаину Раневскую. Воспоминания о них читаются с удвоенным интересом, если даже пока это просто статьи и не составляют еще книги воспоминаний; с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко я не был знаком, — и тем алчнее читал все, что о нем вышло мемуарно-го...

Разве эта любовь к книге, эта тяга к познанию не движет вперед мастерство актера? Не формирует его характер?..

«В 1960 году М. Шагинян опубликовала в «Огоньке» статью, где писала о близости умирания профессионального театра и вытеснения его самодельностью. Вскоре «Огонек» опубликовал статью Н. Черкасова, полемизировавшего с М. Шагинян. Плятт прочел обе статьи. И тут же написал большое открытое письмо-статью о состоянии, перспективах и задачах современного театра».

«Статья эта — далеко не единственная, — говорит о ней С. Дунина, автор книги о Плятте. — Он не раз выступал в печати, и почти всегда в прямой или угадываемой полемике...»

Кстати, автор этой пока единственной монографии об актере С. Дунина («Ростислав Плятт», М., 1963) замечала: «Стенограммы его выступлений на активках, съездах, конференциях стоило бы издать».

К сожалению, затерянные в многочисленной периодике, до сих пор они не собраны и не изданы. А стоило бы об этом подумать...

А завершить мне хочется словами из все той же монографии: «Неестественно писать заключительную главу книги об актере, который много сыграл, напишет, изобретет после того, как будет прочитана эта книга. Не надо заключительной главы. Надо, чтобы Плятт играл побольше и чтобы как можно щедрее раскрывался его талант актера и человека».

Мы, зрители, — за!

Интервью вел
Валерий ЛЕВЕДИНСКИЙ.